Мгновенно раздались крики охранников, и они упали на землю. Пули, ударившись о стену, разнесли часть бетона и написали три слова: "ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В АД" . Блоки упали на землю и, вращаясь между собой, остановились.

Один из охранников закричал: "Черт! Выпустите меня отсюда!" - кричал он, царапая ногтями дверь.

Хомура сфокусировала взгляд на своей винтовке, глядя на себя в зеркало. На ее лице появилась широкая сардоническая ухмылка.

"Хомура. Немедленно брось оружие и успокойся" - сказал голос по внутренней связи. "Мы простим тебе эту выходку, если ты прекратишь ее прямо сейчас".

"Вы простите меня?" - громко сказала она и выпрямила пистолет. "По-моему, это вы должны начать просить прощения!"

Она нажала на курок и открыла огонь, рассыпая пули взад-вперед по зеркалу. Каждая пуля раскалывала его на мелкие паутинки повреждений, но в основном оно держалось. Она все равно продолжала стрелять, думая, что, может быть, достаточно огня, чтобы в конце концов разнести его, и она сможет хорошо рассмотреть своего врага.

Этого не произошло, но пуля, видимо, срикошетила и попала в одну из люминесцентных ламп на потолке, потому что комната начала мерцать. Черно-белое, черно-белое и черно-белое. С каждым мерцанием Хомура могла видеть их. Хотя сквозь треснувшее стекло она видела их только силуэты, этого было достаточно, чтобы понять, что они в панике разбегаются. Она почувствовала удовлетворение. Когда комната вспыхнула белым светом, она увидела себя в треснувшем зеркале: кровь капала со лба и стекала по лицу, глаза были узкими, а губы рапростерлись в улыбке.

Затем она почувствовала, как что-то ударило ее по спине и впилось в нее, и внезапно потеряла контроль над своим телом. Упав на пол, она крутанулась по дуге, и автомат выпустил последние патроны по кругу. Она лежала на земле, ее тело билось в конвульсиях. Это была одна из самых сильных болей, которые она когда-либо испытывала в своей жизни. Она едва могла пошевелить хоть одним пальцем, но каким-то образом ей удалось приподнять голову настолько, что она увидела два провода, идущие от ее спины и ведущие к небольшому пистолету, который держал в руках один из охранников. Электрошокер.

Ее тело издало еще один всплеск страдальческих движений, а затем обмякло, и она потеряла сознание. Ее форма волшебной девочки исчезла, и на ней снова был только белый больничный халат.

Палата, в которой ее разместили, была не слишком неудобной. Она была большой. Это было похоже на личную квартиру. Здесь были кухня, ванная комната, спальня и гостиная. В гостиной был широкоэкранный телевизор, множество видеоигр и фильмов на выбор. В холодильнике было много продуктов, и ей сказали, что если она хочет что-то еще, то нужно

только попросить.

Она занялась рисованием, чтобы скоротать время. Телевизор и видеоигры могли увлечь ее лишь на некоторое время. Ее рисунки были не так хороши, как у Мадоки, но, заглянув в блокнот, она обнаружила, что с первого до последнего ее рисунка произошли некоторые очевидные улучшения. Мысли о Мадоке заставили ее отложить ручку и откинуться на спинку кресла, предаваясь воспоминаниям.

Это было несправедливо. Она наконец-то добилась конца, который ее устраивал, и все равно не смогла быть с Мадокой. Она знала, что Мадока сейчас, наверное, очень волнуется за нее. Она даже не знала, знает ли кто-нибудь из ее друзей о том, что с ней произошло. Им, наверное, показалось, что она просто исчезла, не сказав никому ни слова. А может быть, они подумали, что она попала в руки ведьмы? Как бы то ни было, она надеялась, что Мадока не будет настолько глупа, чтобы заключить договор и пожелать ей безопасности. Она не думала, что это случится, ведь она достаточно хорошо объяснила Мадоке, почему ей ни в коем случае нельзя становиться волшебной девушкой, и думала, что Мадока ее послушает.

Если же это всё-таки случится, и Мадока станет волшебной девушкой, Хомура полагала, что сможет просто отмотать время назад. Да, такая возможность всегда была, и если бы все стало совсем плохо, ее стоило бы рассмотреть. Но она не хотела этого делать. После сотен и сотен неудач она наконец-то получила удовлетворительный финал, и не собиралась его отбрасывать, по крайней мере пока в этом не было необходимости.

После вспышки гнева в испытательной комнате она мало что помнила. Она помнила, как ее ударили электрошокером, а потом она смотрела на потолок, который мерцал черно-белым светом, и ее зрение угасало. Смутно помнит, как ее положили на носилки и понесли по коридору. Очнувшись, она повернула голову к одному из врачей, которые ее несли. Затем она почувствовала резкую боль в области шеи, и все вокруг снова стало черным. Когда она очнулась, то лежала на кровати, которую ей предоставили в "квартире", и, судя по часам, прошло несколько часов.

Она закончила свой рисунок и протянула его. Это было простое изображение кошки. Ей показалось, что хвост немного перекошен, а лапы не совсем правильные, но мордочка и тело выглядели совершенно одинаково. Она написала над кошкой слово "Эми" красивым скорописным почерком и закрыла блокнот.

Она встала из-за кухонного стола и прошла в гостиную. Она села на диван и взяла в руки пульт. Она направила его на телевизор и нажала на кнопку включения, но ничего не произошло. Она нажимала ее снова и снова и думала: "Что за хрень?". Она встала и попыталась включить телевизор вручную, но и это не помогло.

"О... Я поняла" - подумала она. Она бросила пульт и подошла к огромной металлической двери перед входом в свою маленькую квартиру. Она посмотрела на камеру, которая стояла там, и крикнула: "Эй! Что, черт возьми, случилось с телевизором?". Некоторое время она стояла и смотрела на камеру, не получая ответа. "Я знаю, что вы меня слышите!" После еще одной минуты ожидания ее глаза сузились, и она откинула волосы назад, отвернувшись. Она схватила

стул из кухни и вернула его к камере, держа его высоко поднятым, в позе для удара. Она знала по опыту, что им очень не нравится, когда она ломает их камеры. "Ну что, будем говорить?" - спросила она еще раз.

И тут же включилось переговорное устройство. Это был не тот голос, с которым она обычно разговаривала. Она предположила, что этот человек, кем бы он ни был, уже ушел на весь день. "Было решено, что за вашу сегодняшнюю выходку вас нужно как-то наказать". Глаза Хомуры сузились, и она крепко обхватила руками ножки стула. "Если в течение следующих нескольких дней с вами больше не будет возникать никаких проблем, вам будут возвращены ваши телевизионные привилегии. Но вы должны помнить, что нельзя ломать наше оборудование, госпожа Акеми". В голосе этого парня, по крайней мере, было чуть больше индивидуальности, чем у обычного. Хомура нахмурилась и опустила стул. Вместо того чтобы ударить по камере, она просто швырнула ее в стену. Затем она вернулась в гостиную и села на диван со сложенными руками и сердитым выражением лица.

Она прожила здесь чуть больше двух недель и уже начинала сходить с ума. Отсутствие телевизора несколько ухудшало ситуацию, но наличие или отсутствие телевизора и игр мало что меняло в ее общем впечатлении о ситуации, в которой она находилась. Она проклинала себя за то, что позволила этому случиться.

После Вальпургиевой ночи они, очевидно, преследовали ее довольно долго. К счастью, за это время она не объединилась с другими девушками, поэтому их личности также не были раскрыты. Тем не менее, она проклинала себя за то, что не заметила ничего раньше. Дело в том, что раньше ей никогда не приходилось беспокоиться о чем-то подобном. Конечно, публичная демонстрация своей силы, предсказание будущего и предупреждение людей о грядущей катастрофе привлекли к ней много внимания. Она должна была знать, что может произойти нечто подобное, и подготовиться к этому. Увы, этого не произошло, и теперь, оказавшись здесь, она должна была извлечь из ситуации максимум пользы и найти выход.

Она сидела за кухонным столом и решала пазл. Это былы пазл на тысячу деталей, и она занималась им уже чуть больше двух часов. Она закончила только половину, но, конечно, вторая половина пазла всегда самая легкая. Она присоединила большой фрагмент, над которым работала, к основной части, когда раздался сигнал переговорного устройства.

"Хомура", - произнес тот же монотонный голос, который она привыкла слышать. Она решила, что будет называть его доктор Моно.

"Что вам нужно?"

"Мы немного изменили ваше сегодняшнее расписание. К вам в палату придет психолог, чтобы встретиться с вами. Она должна прийти примерно через час. Если вы будете вести себя хорошо и не доставите ей никаких хлопот, мы вернем вам право смотреть телевизор на день раньше".

Хомура подняла бровь: "Психолог? Почему вы вообще беспокоитесь о чем-то подобном?"

"Мы пытаемся избежать повторения ситуации, подобной той, что произошла вчера в тестовой комнате. Кроме того, к вашему сведению, сеанс тестирования, который мы планировали на завтра, откладывается до тех пор, пока мы не придумаем более надежные условия для вашего тестирования".

"Как скажете" - сказала она. "И это все?" Доктор Моно не стала больше ничего ей говорить.

Она вернулась в свою спальню и выбрала другую одежду. Сейчас на ней были только треники и свободная черная рубашка. Она отнесла одежду в ванную - единственную комнату, в которой не было камеры (по крайней мере, той, которую можно было увидеть) - и переоделась. Раз уж она здесь застряла, то не стоит пытаться поддерживать свой внешний вид и сохранять хотя бы часть достоинства. Переодевшись, она заварила себе чай на кухне и продолжила работу над головоломкой, ожидая появления этого психолога.

Она прошла уже более трети пути, когда снова раздался сигнал интеркома. "Хомура - сказал доктор Моно - сейчас придет доктор Сакура".

Сакура? Какое совпадение, подумала Хомура. Разве это не фамилия Кёко? Что ж, фамилия достаточно распространенная, подумала она. Она лишь хмыкнула и продолжила собирать пазл. Она решила, что с этим психологом лучше не разговаривать. Она надеялась, что не задержится здесь надолго.

Входная дверь с писком и шипением открылась. В первый день пребывания Хомуры здесь она остановила время, когда дверь открылась, и попыталась выскользнуть наружу. Похоже, ее враг был достаточно умен, чтобы предусмотреть это, потому что за этой дверью находилась еще одна такая же стальная дверь. Эти две двери никогда не открывались одновременно, поэтому выскользнуть таким образом было невозможно. Даже если бы ей удалось пройти через вторую дверь, почти все последующие двери в коридоре были такими же, так что сбежать было практически невозможно.

Вошла доктор Сакура в белом халате и с блокнотом в руке, прижатым к груди. Она носила очки, а длинные рыжие волосы были завязаны в хвост. Забавно, подумала Хомура, что помимо того, что у нее та же фамилия, что и у Кёко, она еще и очень похожа на нее, почти как старшая сестра. Хомура знала, что это не так, у Кёко была только младшая сестра, которая умерла. Может быть, дальняя кузина? Это было вполне возможно.

"Здравствуйте, - сказала доктор Сакура. Она стояла в нескольких шагах от Хомуры, которая просто смотрела на нее. "Вы, должно быть, Хомура Акеми. Я очень рада познакомиться с вами. Могу я присесть?" Хомура кивнула.

Доктор Сакура села напротив нее и отложила блокнот. "Я долго пыталась убедить их разрешить мне поговорить с вами. В конце концов, мне удалось добиться их согласия после того случая, который произошел на днях. Полагаю, я должна поблагодарить вас за это". Она улыбнулась.

Хомура подняла бровь. Здесь происходило что-то странное. Это было что-то в голосе доктора. "Я доктор Сакура. Надеюсь, мы сможем подружиться. Вообще-то, если хотите, можете называть меня просто по имени - Кей".

Кей? Это имя могло быть и простым совпадением, но внезапная ухмылка, появившаяся на лице доктора "Кей" Сакуры, говорила сама за себя. Глаза Хомуры расширились, а рот приоткрылся.

"Кей? К-Кёко?"

Глаза Кёко сузились. "И что это может значить?" Было ясно, что она хотела сказать: "Не раскрывай меня! Ты идиотка!"

http://tl.rulate.ru/book/94748/3184199